

переводомъ Библіи. Болѣе детальное изслѣдованіе грузинскаго перевода дастъ, конечно, окончательное рѣшеніе по этому вопросу. А такое изслѣдованіе рано или поздно непременно должно быть сдѣлано какъ въ интересахъ древне-грузинской литературы, такъ въ интересахъ изученія самого памятника, для критической обработки котораго грузинскій переводъ даетъ не мало матеріала. Работою, о которой здѣсь говорилось, въ этомъ отношеніи можно пользоваться лишь съ большою осторожностью. При томъ въ ней не издана какъ разъ наиболѣе любопытная часть грузинскаго текста.

Н. Марръ.

- 1) **Friedrich Blass**, *Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch*. Göttingen. Vandenhoeck u. Ruprecht. 1896. XII+329 S. 8°.
- 2) **Henricus Reinhold**, *De graecitate patrum apostolicorum librorumque apocryphorum Novi Testamenti quaestiones grammaticae*. Halis Saxorum, M. Niemeyer. 1898. 113 S. 8°. (Dissertationes philologicae Halenses, vol. XIV pars I).

Грамматика греческаго языка Новаго Завѣта, составленная проф. Блассомъ, предназначена прежде всего, разумѣется, для богослововъ, съ цѣлью помочь имъ въ точномъ пониманіи св. Писанія; но она имѣетъ немалое значеніе и для каждаго, занимающагося византійскими текстами. Въ прежнія времена полагали, что греческій языкъ Новаго Завѣта представляетъ собою какое-то особое, отдѣльно стоящее нарѣчіе, а нынѣ, по возникновеніи историческаго языковѣдѣнія, уже проложенъ путь къ тому болѣе вѣрному возрѣнію, что такъ-называемый библейскій греческій языкъ тождественъ съ тѣмъ нарѣчіемъ, которое во время евангелистовъ и апостоловъ господствовало вообще въ Египтѣ и Азіи въ обыкновенномъ быту людей, употреблявшихъ греческій языкъ. Кромѣ того, о какомъ-то спеціальномъ библейскомъ греческомъ языкѣ нельзя говорить уже по той причинѣ, что и между отдѣльными частями Св. Писанія по языку оказывается явная разнородность. Греческій языкъ Св. Писанія лишь одно звено въ историческомъ развитіи всего греческаго языка и, съ одной стороны, стоитъ въ тѣсной связи съ такъ-называемымъ общимъ нарѣчіемъ (ἡ κοινή), появившимся въ литературныхъ памятникахъ александрійскаго періода, а, съ другой, онъ во многихъ пунктахъ приближается къ господствовавшему среди простаго народа говору, изъ котораго въ теченіе временъ преобразовался нынѣшній новогреческій языкъ.

Изъ этого видно, какую важность имѣетъ изученіе новозавѣтнаго греческаго языка и для критики византійскихъ текстовъ. Многія лексикографическія и синтаксическія особенности византійскихъ писателей, поражающія читателя, привыкшаго лишь къ аттическому нарѣчію классиковъ, встрѣчаются уже въ Новомъ Завѣтѣ. Поэтому разбираемая грамматика, предпринятая однимъ изъ выдающихся филологовъ нашего вре-

мени и большимъ знатокомъ греческаго языка, свѣдущимъ во всѣхъ пособияхъ и результатахъ новѣйшаго языковѣдѣнія, заслуживаетъ особаго уваженія, и несомнѣнно сдѣлается необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся византійскою письменностью ученыхъ.

Грамматика Бласса, слѣдуя обыкновенному систематическому порядку учебниковъ, даетъ обширное собраніе разныхъ грамматическихъ подробностей, при чемъ вообще предполагается знакомство съ аттическимъ нарѣчіемъ, а отступающія отъ него и нововведенныя формы и конструкціи тщательно разбираются и наглядно выставляются. Одна четверть всего текста (71 стр.) относится къ морфологіи и этимологіи, а прочія три четверти обнимаютъ собою синтаксисъ. Объ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ грамматическихъ правилахъ мы не распространимся здѣсь, а ограничимся нѣкоторыми общими, характеризующими новую грамматику, замѣчаніями. Строго филологическое направленіе составителя грамматики обнаруживается и въ томъ, что онъ не удовлетворяется формами, имѣющимися въ лучшихъ изданіяхъ Новаго Завѣта, но вездѣ, гдѣ оказывается потребность, приводитъ и интересные для языковѣда варианты той или другой рукописи. Далѣе, Блассъ мѣстами сообщаетъ и весьма тонкія наблюденія относительно различной степени образованности, встрѣчаемой у разныхъ писателей Новаго Завѣта, и даетъ интересную характеристику свойственнаго каждому изъ нихъ слога. Да, замѣтно, какъ и указываетъ Блассъ, что одинъ и тотъ же писатель иногда перемѣняетъ свой образъ выраженія, принимая въ соображеніе публику, предъ которой онъ говоритъ; такъ, напр., апостоль Павелъ, защищаясь предъ Агриппою (Дѣян. апост. гл. 26), употребляетъ рядъ словъ, принадлежащихъ къ чисто-литературному языку, и, равнымъ образомъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ, пользуется болѣе высокимъ слогомъ и менѣе вульгарнымъ языкомъ, чѣмъ въ письмахъ, обращенныхъ имъ ко всему христіанскому народу. Иногда Блассъ, говоря о томъ или другомъ вульгаризмѣ новозавѣтныхъ писателей, приводитъ и сходные примѣры изъ египетскихъ папирусовъ эллинистической эпохи; и можно надѣяться, что во второмъ изданіи разбираемой грамматики, которое, безъ сомнѣнія, не долго заставитъ себя ждать, авторъ еще болѣе обратитъ вниманіе на эти важные для изученія народнаго языка тѣхъ времянъ документы, число коихъ день-ото-дня все еще увеличивается.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы въ заголовкѣ выписали на второмъ мѣстѣ, представляетъ собою важное дополненіе къ грамматикѣ Бласса. Уже Блассъ почерпанный имъ изъ писателей Новаго Завѣта грамматическій матеріалъ расширилъ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ текстовъ того же времени и характера; онъ просмотрѣлъ также посланіе Варнавы, сочиненіе Гермасъ (Pastor Hermae), два посланія Климента и *Homiliae XX Clementis*. Рейнгольдъ же подвинулъ эту работу значительно впередъ, и впервые поставилъ себѣ задачею разбирать въ грамматическомъ отношеніи длинный рядъ памятниковъ христіанской лите-

ратуры, которые, по времени своего происхожденія, ближе всего стоятъ къ Новому Завѣту и имѣютъ большое значеніе для разъясненія развитія греческаго языка, такъ какъ они составляютъ остатки древнѣйшей христіанской литературы, предназначенной для малообразованной массы народа и отчасти отреченной уже тогдашними представителями официальной Церкви, вслѣдствіе болѣе или менѣе ясно выражающагося въ ней еретическаго направленія.

Разбираются въ сочиненіи Рейнгольда, по отношенію къ грамматикѣ, слѣдующія сочиненія: 1) апостольскіе отцы, въ разрядъ коихъ включено и такъ-называемое поученіе XII-ти апостоловъ (*Διδαχὴ τῶν ἀποστόλων*), всего 15 произведеній восьми авторовъ; 2) апокрифическія дѣянія апостоловъ, къ которымъ прибавлены рѣчи Климента (*Homiliae Clementis*), всего 20 текстовъ; 3) апокрифическія евангелія (9 текстовъ) и 4) апокрифическія откровенія (6 текстовъ). Большая часть этихъ 50-ти произведеній, конечно, лишь незначительнаго объема, но всѣ вмѣстѣ представляютъ богатый матеріалъ, знакомящій насъ со многими интересными подробностями греческаго языка, бывшаго въ ходу въ первыя столѣтія христіанской эры. При перечисленіи отдѣльныхъ текстовъ Рейнгольдъ сокоупляетъ и краткія данныя о времени, въ которомъ возникъ каждый текстъ, о рукописяхъ, въ которыхъ тексты дошли до насъ, и о важнѣйшихъ изданіяхъ ихъ. Кромѣ того, Рейнгольдъ даетъ и краткую характеристику языка, употребленнаго отдѣльными авторами, которыхъ, по его мнѣнію, можно подраздѣлить на четыре группы: первая группа по возможности старается придерживаться аттическаго образца; вторая представляетъ обыденный простонародный языкъ; третья стоитъ еще на болѣе низкой степени грамматической образованности, а четвертая приближается къ искусственному литературному языку, обычному у византійцевъ слѣдующихъ вѣковъ. Впрочемъ, было бы проще соединить вторую и третью группы въ одну, такъ какъ народность языка въ нихъ общая, и опредѣленіе рѣзкихъ предѣловъ тутъ невозможно.

Тщательно собранный матеріалъ излагается авторомъ въ пяти главахъ въ томъ же порядкѣ, который соблюденъ и Блассомъ. При этомъ главное вниманіе обращается на фонетику и этимологию; синтаксическіе же вопросы, значеніе словъ и, вообще, слогъ писателей стоятъ у Рейнгольда на заднемъ планѣ. Жаль только, что Рейнгольдъ не прибавилъ въ концѣ сочиненія алфавитный списокъ словамъ, о которыхъ говорится на предыдущихъ страницахъ.

Упомянемъ, наконецъ, еще о предположеніяхъ Рейнгольда (во введеніи на стр. 11—14) относительно вопроса, какъ издатель тѣхъ текстовъ, въ которыхъ обнаруживается отклоненіе отъ обыкновеннаго литературнаго языка и болѣе или менѣе очевидная склонность къ простонароднымъ выраженіямъ и формамъ, долженъ относиться къ чтеніямъ и особенно къ орфографіи рукописей, списанныхъ, какъ пзвѣстно, часто весьма необразованными людьми, и по какимъ соображеніямъ приходится

тутъ отличать вульгаризмы самого писателя отъ ошибокъ писцовъ. Воззрѣнія, высказанныя относительно этого Рейнгольдомъ, которыя согласуются и съ мнѣніемъ Бласса (стр. 7,2), вполне достойны одобренія, и было бы желательно, если издатели византійскихъ такого рода текстовъ вездѣ руководствовались бы изложенными Рейнгольдомъ принципами — въ пользу опрѣтности издаваемыхъ ими текстовъ.

Э. Курцъ.

Г. Рига.

Alb. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beiträge zur Geschichte und Beurteilung der Κοινή. Strassburg. 1901. 275 стр. 8°.

Книга, заглавіе коей нами выписано, представляетъ серьезный шагъ впередъ въ изученіи вопроса, не только въ высшей степени важнаго въ исторіи греческаго языка, но имѣющаго также существенное значеніе въ исторіи распространенія еллинской культуры по всему цивилизованному міру съ эпохи завоеваній Александра Великаго, потому что, по справедливому замѣчанію автора (S. 107), въ числѣ факторовъ народной психологіи языкъ является однимъ изъ важнѣйшихъ мѣрилъ внутренней силы культуры и націи.

Тотъ восьмивѣковой періодъ, который авторъ, вслѣдъ за другими изслѣдователями, опредѣляетъ, какъ періодъ развитія κοινή въ его характерныхъ чертахъ, періодъ отъ 300-го года до Р. Х. приблизительно до 500-го года по Р. Х., является особенно многозначительнымъ въ исторіи эволюціи греческаго языка, приводящей къ той его фазѣ, которую мы опредѣляемъ названіемъ новогреческаго.

Исторія этого періода стала возможна лишь въ самое послѣднее время, когда къ матеріалу эпиграфическому присоединился богатѣйшій языковой матеріалъ папирусовъ еллинистической эпохи. Языкъ папирусовъ бросилъ яркій свѣтъ на процессъ преобразованія языка. Въ особенности важно было, что языкъ перевода 70-ти и языкъ авторовъ Новаго Завета получилъ теперь свое мѣсто въ общей исторіи еллинистическаго языка и что миражъ какого-то особаго отъ живого языка книжнаго языка Священной письменности, гдѣ признавалось въ широкихъ размѣрахъ вліяніе иностранныхъ языковъ (еврейскаго, латинскаго), разсѣялся предъ лицомъ фактовъ, содержащихся въ надписяхъ и папирусахъ.

Какъ послѣдняя стадія развитія, новогреческій языкъ съ его діалектами, возникшими уже на почвѣ κοινή, послѣ того какъ діалекты древнегреческаго языка, за однимъ исключеніемъ (законскій діалектъ въ горахъ древней Лаконіи), были смыты почти безъ слѣда всепоглощающимъ потокомъ мірового языка, еще отражаетъ въ себѣ тѣ процессы въ области фонетики и морфологіи, какіе совершались въ упомянутой періодъ.

Вотъ въ виду этого послѣдняго обстоятельства нельзя не порадоваться, что за рѣшеніе проблемы первостепенной важности въ исторіи